

ИСТОЧНИКИ

«ПОКА ЧТО ЕЩЕ ЗДЕСЬ ЖИТЬ МОЖНО СРАВНИТЕЛЬНО СНОСНО...» ПИСЬМА ПРОФЕССОРА И.И. ЛАППО С. Г. ПУШКАРЕВУ. 1920–1940-е годы*

М.В. Ковалев

(Саратов)

Ключевые слова: И.И. Лаппо, С.Г. Пушкарев, историки-эмигранты, русские эмигранты в Праге в 1920-е–1940-е годы, русская интеллигенция в Литве в 1920-е–30-е годы XIX в., Каунасский университет, литовско-польские отношений в 1930-е годы; Литва в годы гитлеровской оккупации.

Имя профессора Ивана Ивановича Лаппо (1869–1944) до недавнего времени было известно весьма узкому кругу ученых. Между тем при жизни он считался одним из крупнейших специалистов по истории Великого княжества Литовского. Еще до революции его исследования о Литовских статутах, о политико-административном устройстве Литвы XVI–XVII вв. были признаны классическими. В них И.И. Лаппо предложил новый взгляд на историю взаимоотношений Литвы и Польши. В польской исторической памяти и в польской историографии уже с 1830-х годов, особенно в трудах И. Лелевеля, закрепилось мнение, что после заключения Люблинской унии в 1569 г. и образования союзного государства Речи Посполитой (Республики двух народов) Литва стала неотъемлемой частью Польши. Однако этот взгляд нашел последовательного критика в лице И.И. Лаппо, доказывавшего, что и после Люблинской унии Великое княжество Литовское сохраняло большую степень самостоятельности и что о полном объединении двух государств речи быть не могло¹.

* Работа выполнена в рамках стипендии Германского исторического института в Москве по теме «Интеллектуальные миграции в Европе в 1920–1930-е годы: опыт сравнительного социально-антропологического изучения» (2011) и при поддержке грантов Российского гуманитарного научного фонда № 3-31-01251a2 (2013–2015) и № 13-41-93017к (2013).

¹ См.: *Лаппо И.И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586): Опыт исследования

В советские годы научные труды И.И. Лаппо не запрещались, но и их изучение не поощрялось. В самом историке видели лишь типичного представителя дореволюционной «буржуазной историографии». Исследованию жизненного пути и творчества ученого мешала его эмигрантская судьба. Биограф И.И. Лаппо точно подметил, что революция 1917 г. сломала жизнь ученого, который стал «вынужденным странником, скитавшимся по России, Греции, Югославии, Чехословакии, Литве, Германии»: «Сейчас бы сказали, что он был гражданином Европы. Но как ни парадоксально это будет звучать, И.И. Лаппо был гражданином Великого княжества Литовского – и эта принадлежность объясняла весь смысл жизни ученого и большинство перипетий его биографии»².

Если дореволюционный этап жизни и деятельности И.И. Лаппо относительно изучен³, то этого нельзя сказать об эмигрантском периоде – с 1920 по 1944 г. Его биографы сетовали, что до сих пор не выяснены до конца обстоятельства эмиграции И.И. Лаппо, много вопросов вызывало, какими путями он попал в Прагу, где находился с лета 1940 г. и до переезда в Дрезден, когда переехал в Германию и чем занимался там до своей гибели, до какого месяца 1940 г. был профессором Каунасского университета, был ли профессором Вильнюсского университета и если был, то в какой период, когда и при каких обстоятельствах он выехал из Литвы в Германию⁴?

Ответить на эти вопросы по-прежнему мешает ограниченный круг источников, к тому же разбросанных по архивам разных

политического и общественного строя. СПб., 1901; *Он же*. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия: Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев, 1911; и др.

² *Мякишев В.П.* И.И. Лаппо – ученый с живым чувством исторической действительности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2004. № 1. С. 162.

³ *Ragauskas A.* Istorikas Ivanas Lappo (1869–1944) ir Lietuva // *Lietuvos istorijos metraštis*. 1993 metai. Vilnius, 1994. P. 81–90; *Дубьева Л.В.* «Отдаюсь науке совсем...» И.И. Лаппо – профессор русской истории Тартуского (Юрьевского) университета в 1905–1918 годах // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. IX. Вильнюс, 2005. С. 374–391; *Она же*. Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. СПб., 2009. С. 262–263; *Dubjeva L.* Research and teaching of history at the university of Tartu at the end of the 19th and the beginning of the 20th century // *Trames*. 2009. Vol. 13 (63/58). № 2. P. 165; *Eadem.* Probleme der Rechtsgeschichte bei Ivan Ivanovič Lappo, Professor an der Universität Tartu // *Einheit und Vielfalt in der Rechtsgeschichte im Ostseeraum* / Hrsg. M. Luts-Sootak, S. Osipova, F.L. Schäfer. Frankfurt am Main, 2012. S. 73–86 и др.

⁴ См.: *Чебанов В.Д., Чебанов С.В.* И.И. Лаппо: известные и неизвестные страницы биографии // Язык. Литература. Искусство. Культуры. 2004. № 59. С. 23–24.

европейских городов. Восполнить этот пробел можно за счет изучения и публикации не известных доселе документов, многие из которых едва ли не чудом уцелели в вихре исторических потрясений XX в. К ним относится переписка между двумя историками – И.И. Лаппо и С.Г. Пушкиревым, – которая позволяет пролить свет на многие малоизвестные или же вовсе неизвестные страницы биографии видного исследователя истории Великого княжества Литовского. Эти письма сохранились в личном фонде С.Г. Пушкирева в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184), попав туда после Второй мировой войны в составе вывезенного из Праги Русского заграничного исторического архива.

Сергей Германович Пушкирев принадлежал к младшему поколению историков-эмигрантов, закончивших до революции университет, но не успевших начать в России серьезную научную карьеру⁵. Его становление как ученого происходило уже за рубежом, когда он благодаря стипендии чехословацкого правительства оказался в 1921 г. в Праге. Именно в чешской столице произошло знакомство двух историков – начинающего исследователя С.Г. Пушкирева и известного профессора И.И. Лаппо. Между ними установились теплые и доверительные отношения, сохранившиеся и после отъезда И.И. Лаппо из Праги в Каунас, о чем и свидетельствует переписка историков. Она охватывает большой временной промежуток – с 1922 по 1944 г., т.е. практически весь период истории Зарубежной России, уместившейся между двумя мировыми войнами.

Первые письма относятся к 1922 г., ко времени знакомства двух ученых. Вплоть до переезда И.И. Лаппо из Праги переписка не была активной, поскольку оба историка имели возможность регулярно видеться лично. Основная ее часть приходится на время жизни и работы ученого в Литве в 1930-е годы. Всего сохра-

⁵ О С.Г. Пушкиреве см.: *Ковалев М.В.* Профессор С.Г. Пушкирев как историк русско-американских отношений // *Запад–Россия–Кавказ: Межвузовский научно-теоретический альманах*. Ставрополь. М., 2003. Вып. 2. С. 446–452; *Он же.* Проблема Россия–Запад в общественно-исторических взглядах С. Г. Пушкирева // *Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории*. Ставрополь, 2005. Вып. 7. С. 155–165; *Он же.* История российского крестьянства в трудах историка-эмигранта С.Г. Пушкирева // *Запад–Россия–Кавказ: Межвузовский научно-теоретический альманах*. Ставрополь, 2005. Вып. 3. С. 314–324; *Он же.* Пражский период в научной биографии С.Г. Пушкирева // *Историографический сборник: Межвузовский сборник научных трудов*. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 97–98; *Он же.* Жизненный путь Сергея Германовича Пушкирева // *Пушкирев С.Г.* История России: Работы разных лет. М., 2011. С. 5–21.

нилось около 100 писем и открыток, как правило отпечатанных на пишущей машинке, адресованных С.Г. Пушкареву и его жене Ю.Т. Пушкаревой. Помимо самого И.И. Лаппо автором нескольких писем являлся его сын И.И. Лаппо-младший.

Особый интерес представляет корреспонденция 1930-х годов, в которой отразились не только история взаимоотношений двух историков-эмигрантов и развитие их научных идей, но и взгляды И.И. Лаппо на переломные события 1930-х годов, происходившие в Центральной и Восточной Европе, в том числе на начало Второй мировой войны, на советизацию Литвы в 1940 г., на оккупацию немцами Прибалтики летом-осенью 1941 г. Высокая степень доверия И.И. Лаппо к своему ученику позволяла обсуждать самые острые проблемы. Конечно, его высказывания не лишены субъективности. Но именно эти оценки представляют большой интерес, поскольку характеризуют мироощущение русских интеллектуалов-эмигрантов. К сожалению, пока не выявлены письма самого С.Г. Пушкарева, которые могли отложиться в личном архиве И.И. Лаппо в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук Литвы (*Lietuvos Mokslų Akademijos bibliotekos Rankraščių skyrius*, F. 211).

И.И. Лаппо покинул Россию в разгар Гражданской войны. Как установил В.П. Мякишев, историк вместе с женой и сыном выехал из Воронежа, где в ту пору работал в должности профессора местного университета, в октябре 1919 г., забрав с собой наиболее важные рабочие материалы. Этот отъезд, вероятнее всего, был вызван опасениями вступления в город большевиков, которые вскоре оправдались. Путь ученого лежал сначала в Харьков, затем – в Новороссийск, откуда он и его близкие в 1920 г. выехали на английском пароходе в Грецию⁶. Вместе с остатками белой армии И.И. Лаппо оказался на о. Лемнос, «стал гостем английского короля», как говорили в то время. Положение его там было столь ужасающим, что он молил своих коллег «извлечь его из этого проклятого места, где люди бедствуют, как они бедствуют везде, где их опекают ... союзники»⁷. На счастье историка чехо-

⁶ Мякишев В.П. Указ. соч. С. 168–169.

⁷ *Погодин А.Л.* Русская наука за границей // Славянская заря. Прага, 1920. № 159. 25 июня. Положение русских беженцев на Лемносе в самом деле было ужасающим, а англичане, под контролем которых находился тогда остров, не оказывали русским ни малейшей помощи. Один из современников красочно описал мытарства русских: «Остров – необитаемый с каменистой почвой и без пресной воды; домов нет, вместо них имеются шалаши, покрытые брезентом и притом промокаемые, где люди спят в поволоку ногами вместе, а головы врозь. Пища неизобильна – $\frac{1}{8}$ фунта хлеба в сутки и консервы. Режим – тюремный. Чтобы покинуть Лемнос, нужно чтобы кто-нибудь из власть имущих подал бы

словацкое правительство в 1921 г. начало проводить знаменитую «Русскую акцию» – широкомасштабную гуманитарную программу по оказанию помощи русским беженцам. И.И. Лаппо получил приглашение продолжить свою работу в Праге и в декабре 1921 г. через Болгарию и Югославию добрался до чешской столицы. Правительство республики назначило ему жалованье в размере 2.100 крон и вдобавок к нему выплату в 300 крон на жену⁸. Это были довольно неплохие деньги, учитывая, что прожиточный минимум в 1923 г. составлял 1000 крон в месяц⁹.

В начале 1922 г. И.И. Лаппо стал научным наставником С.Г. Пушкирева и руководителем его подготовки к магистерским испытаниям. Вместе они составили специальную экзаменационную программу по русской истории, в которую был включен чрезвычайно широкий спектр вопросов от вече в Древней Руси и управления в Новгороде и Пскове до преобразовательных планов М. М. Сперанского и взглядов К.С. Аксакова. Круг этих вопросов полностью отвечал научной программе дореволюционной исторической науки, и в нем проглядывалось сильное влияние «государственной школы»¹⁰. Из-за колоссального объема материала процесс сдачи экзаменов растянулся на год – от 26 июня 1923 до 9 июля 1924 г.! В ноябре 1924 г. С. Г. Пушкирев прочел две обязательные лекции по темам «Внутренний строй и внешнее положение Псковского государства в XIV–XV вв.» и «Эволюция власти великого князя Литовского в XV–XVI вв.»¹¹. По итогам всех нелегких испытаний 5 декабря 1924 г. С.Г. Пушкирев был удостоен звания приват-доцента¹².

С момента подготовки к магистерским испытаниям пути С.Г. Пушкирева и И.И. Лаппо оказались неразрывно связаны. Оба исследователя были в числе учредителей Русского исторического общества, возникшего в Праге 7 апреля 1925 г.¹³, оба в

в английскую миссию заявление и взял на иждивение какое-либо лицо. Всплеск инфекционных заболеваний. Дети умирают от скарлатины и кори» (*Иваненко А. Правда о Лемносе // Славянская заря. Прага, 1920. № 166. 6 июля*).

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5765. Оп. 1. Д. 127. Л. 14–14 об., 15, 17–17 об., 18.

⁹ Пара ботинок стоила 80–180 крон, костюм – 200–800, пальто – 250–700, рубашка – 35–100, проезд в трамвае – 1–3 кроны. См.: *Chinyaeva E. Russian émigrés and Czechoslovak society: uneasy relations // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945 (Sborník studií – 2). Praha, 1994. S. 49.*

¹⁰ Národní archiv ČR. F. Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 125/1.

¹¹ Ibid.

¹² Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 380. Л. 4.

¹³ Там же. Оп. 1. Д. 257. Л. 1 об.; *Паушто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 54.*

1927 г. стали участниками Кружка любителей истории русского права при Русском юридическом факультете¹⁴, оба читали лекции в Русском народном (с 1933 г. – свободном) университете¹⁵. И.И. Лаппо и С.Г. Пушкарёв стояли у истоков создания школы для русских детей, которая располагалась на первом этаже знаменитого «Профессорского дома» на Бучковой улице. Жившие в нем ученые-эмигранты обеспечивали высокий уровень преподавания русского языка и литературы, истории и географии России, закона Божьего, т.е. тех предметов, которым не обучали в чехословацких учебных заведениях. Патроном этой школы была Н. Н. Крамарж, жена видного политического деятеля, первого премьер-министра Чехословакии К. Крамаржа¹⁶. После отъезда И.И. Лаппо в Литву С.Г. Пушкарёв заменил своего учителя на посту директора школы.

Живя в Праге, И.И. Лаппо продолжал начатое еще до революции исследование государственно-правовых отношений Польши и Литвы. Он как и прежде подчеркивал, что русский культурный элемент всегда играл в жизни Литвы очень существенную роль. Литовско-Русское государство нельзя считать «органической частью Польши, ни по ее культуре, ни по ее государственно-правовому положению»¹⁷. В составе Речи Посполитой оно пользовалось весьма широкими привилегиями и фактически сохраняло свою независимость. Историк полагал, что Люблинская уния 1569 г. была своего рода компромиссом польских и литовско-русских требований и заключала в себе начала унитаризма и федерализма¹⁸. Даже после ее заключения Литовско-Русское государство сохранило свою казну, бюрократическую систему, независимые от поляков сеймы и т.д. Следовательно, Речь Посполитая была

¹⁴ Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1927–1928 учебный год. Прага, 1928. С. 20.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 5899. Оп. 1. Д. 110. Л. 5–6, 12, 22, 28, 30; Русский народный университет в Праге. Отчет о деятельности за 1923–1924. Прага, б.г. С. 20–21; Русский народный университет в Праге. Отчет о деятельности за 1924–1925. Прага, б.г. С. 13–15; Русский народный университет в Праге. Отчет о деятельности за 1925–1926. Прага, б.г. С. 23; Русский народный университет в Праге. Отчет о деятельности за 1926–1927. Прага, б.г. С. 24; Русский народный университет в Праге. Отчет о деятельности за 1927–1928. Прага, б.г. С. 26–27.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 183. Л. 8, 9, 10, 11 и др.; *Сератионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006. С. 443. См. также в приложении сн. 57.

¹⁷ *Лаппо И.И.* Литовско-Русское государство в составе Речи Посполитой // Научные труды Русского народного университета. Прага, 1929. Т. II. С. 65.

¹⁸ *Лаппо И.И.* Литовско-Русское государство и Польша в XVII столетии // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. 1. С. 143.

федеративным государством, и ни о какой инкорпорации Литвы речи быть не может. Этот статус был подтвержден Литовским статутом 1588 г. и «*Socaequatio iurium*» 1697 г.¹⁹

Своими работами И.И. Лаппо старался разрушить устойчивые национальные мифы. Например, он научно доказывал необоснованность польских притязаний на Вильнюс, который поляки считали своей исконной территорией. Он с большим воодушевлением относился к становлению и развитию независимой Литвы в 1920–1930-е годы, верил в ее будущее. В марте 1938 г. И.И. Лаппо, к тому времени уже перебравшийся из Праги в Каунас, рассказывая о текущих делах, писал В. А. Францеву 19 марта 1938 г.: «С Польшею у нас восстанавливаются диплом[атические] сношения. Но при ознакомлении и более или менее широких кругов Польских с теперешнею Литвою их, конечно, ждет разочарование. Привычной им *Litwy* уже не существует»²⁰.

Еще в 1920 г. в момент обострения спора из-за Вильнюса И.И. Лаппо как один из главных специалистов по истории литовско-польского вопроса предложил свои экспертные услуги литовскому правительству. Он написал письмо президенту А. Сметоне, в котором научно обосновывал исторические права Литвы на независимость и целостность территории. Затем по просьбе премьер-министра М. Слезевичюса И.И. Лаппо составил специальный меморандум по этому вопросу для Министерства иностранных дел и отправил его в Каунас²¹. Так началось постепенное втягивание историка в литовскую общественно-политическую среду, а уже с конца 1920-х годов его работы стали появляться в местной печати.

Живой профессиональный интерес И.И. Лаппо к истории Великого княжества Литовского совпал с желанием властей молодой прибалтийской республики пригласить на работу квалифицированные научные кадры. Литовский университет, открытый в 1922 г., остро нуждался в них. На протяжении 1920-х годов его руководство подыскивало кандидата на должность профессора по кафедре истории Литвы. Наиболее оптимальной фигурой считался профессор М.К. Любавский, который даже успел составить в 1921 г. специальную программу университетского курса. Но

¹⁹ *Лаппо И.И.* К вопросу о первом издании Литовского статута 1588 года. Каунас, 1928; *Он же.* Уравнение прав Великого Княжества Литовского и Короны Польской в 1697 г. // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1930. Вып. 1. С. 53–67 и др.

²⁰ Literární archiv Památníku národního písemnictví. Fond Francev V. A. 2/E/4.

²¹ *Chebanov S.V.* I.I. Lappo: Lithuanian Statute and philosophy of history // <http://www.filosofija.vu.lt/500/chebanov.pdf>.

ученый не решился покинуть Москву в силу своего преклонного возраста, нежелания расставаться с архивами и библиотеками и из-за боязни реакции советских властей. Тогда в 1926 г. Совет факультета гуманитарных наук начал переговоры с жившим в Праге И.И. Лаппо. Не последнюю роль сыграло то, что он, в отличие от М.К. Любавского, разорвал связи с СССР²². Правда, приглашение историка в 1927 г. не состоялось по финансовым причинам: из-за сокращения бюджета гуманитарного факультета. Но и сам И.И. Лаппо еще сомневался в необходимости своего переезда: «Говоря о моем визите в Каунас, должен признать, что в настоящее время не уверен в его надобности для Литвы...»²³

Вероятно, что отъезд историка из Праги ускорил начавшийся экономический кризис и резкое сокращение материальной помощи русской эмиграции со стороны чехословацких властей. В то же время И.И. Лаппо несколько раз передавали мнение президента Литвы, что его ждут в Каунасе²⁴. Кандидатура ученого нашла поддержку у литовских коллег-гуманитариев: И. Йонинаса, Э. Вольтериса, А. Шапоки и др. В январе 1932 г. уже сам И.И. Лаппо обратился к Совету факультета гуманитарных наук с просьбой рассмотреть его кандидатуру на пост профессора. Но его персона вызвала много вопросов и из-за преклонного возраста, и из-за незнания литовского языка, и из-за русского происхождения. Только в декабре 1932 г. И.И. Лаппо получил извещение о своем причислении к Министерству просвещения с жалованием ординарного профессора в размере 900 литов в месяц и с возможностью получать 100 литов за еженедельные лекции. 27 января 1933 г. Совет гуманитарного факультета тайным голосованием утвердил И.И. Лаппо в должности и поручил ему чтение курсов по истории Литвы. В феврале он приехал в Каунас и в начале марта приступил к работе²⁵.

В письмах к С.Г. Пушкиреву И.И. Лаппо подробно рассказывал об условиях своей жизни и работы в Литве. Уже в сентябре 1933 г. он сообщил, что понемногу обустраивается на новом месте, что «реки книг... затопляют квартиру, хотя она и значительно больше пражской»²⁶. Очевидно, что жизнь в прибалтийской республике казалась семье историка гораздо более благоустроенной и спокойной, нежели в Праге. Этому способствовал сравнительно

²² Ласинскас П. Русские историки-эмигранты в Литве // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. IX. Вильнюс, 2005. С. 420.

²³ Там же. С. 421.

²⁴ Там же. С. 423.

²⁵ Там же. С. 424–425.

²⁶ ГАРФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184. Л. 12.

высокий уровень жизни. Сын ученого, И.И. Лаппо-мл. писал весной 1934 г. жене С.Г. Пушкарева Юлии Тихоновне: «Положительная сторона главным образом одна, сиречь, выражаясь на местном диалекте “летувшикас вальгис”, что по-нашему значит – харчи. Дешевизна мяса почти что угрожающая. За превосходный окорок к Пасхе мама заплатила по одному литу килограмм, т[о] е[сть] по четыре кроны на чешские деньги. Другие продукты местного производства идут по шкале, приближающейся к чешским ценам. Мясо относительно самое дешевое и на нем разница всего заметнее. На молочных продуктах она уже меньше, а на растительных – ее кажется уже и совсем нет. Зато все привозное стоит сумасшедших денег, особенно фрукты и вино. Кило апельсин на чешские деньги обошлось бы крон в 16–20, а бутылка плоховатого вина крон на 60–70. Все поэтому, включая “нобль дам”, лакают казенную водку, которая кстати сказать хуже и дороже той, которую мы производим домашними средствами из превосходного чешского спирта»²⁷.

И.И. Лаппо сообщал С.Г. Пушкареву о своем участии в русской общественной жизни. Так, в феврале 1935 г. по просьбе русских эмигрантских организаций он выступил с публичной лекцией о взаимоотношениях Литвы и Польши. По словам историка, она прошла при высоком интересе со стороны публики. Правда, не обошлось без казусов: «...Мне эта лекция доставила значительные хлопоты. Дело в том, что репортеры перепутали ее содержание. Я читал о происхождении Польско-Литовской унии и о характере образованной ею Речи Посполитой, высказывая мои хорошо известные Вам положения. Публичные лекции читаются в Ковно редко, а потому, надо думать, и моя привлекла к себе достаточное внимание. В ряде газет появились о ней отчеты. А одна литовская и одна русская газеты увлеклись настолько, что написали, будто бы вообще никакой унии между Литвою и Польшею и не существовало никогда. При этом литовская газета, почтившая меня такою ересью, напечатала громадный отчет о лекции – в целый лист-страницу, с подзаголовками жирным шрифтом... Пришлось написать опровержения в обе газеты. Но этого мало. Пришлось написать полный текст всей лекции и отдать его в один из литовских ежемесячников»²⁸.

Помимо популярных лекций И.И. Лаппо читал специальные курсы в Литовском университете: «Внутренне устройство Литовского государства накануне Люблинской унии и позднее», «Эпоха Витовта Великого», «Господская челядь Великого княжества

²⁷ ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184. Л. 21.

²⁸ Там же. Л. 30.

Литовского», «Князья и вельможи древнего Великого княжества Литовского», «Система управления Древней Литвы», «Восток и Запад в истории и культуре Литвы» и др.²⁹ И.И. Лаппо не был блестящим преподавателем, но его курсы были построены логично и методично. Очевидно, работа в университете приносила историку большое удовлетворение. Обратимся к письму от 19 апреля 1935 г. «Дела мои идут по-старому, – сообщал И.И. Лаппо С.Г. Пушкареву. – В Университете, по-видимому, студенты и студентки ко мне все более привыкают. Вы знаете, что я читаю по-русски. Несмотря на то, что молодежь здешняя в общем мало владеет русским языком, у меня, слава Богу, образовалась своя по составу аудитория, которая ко мне относится так же, как и мои старые студенты Воронежа, Праги и Юрьева. Стали уже брать у меня темы для дипломных работ, а также обращаться ко мне с вопросами для своих специальных занятий. Но, разумеется, доступны мои лекции и по содержанию, и по языку только студентам и студенткам лучшим, специально занимающимся историей Литвы»³⁰.

В этом письме нашла отражение проблема, с которой пришлось столкнуться немалому числу эмигрантов. Речь идет о лингвистической травме, возникшей в результате столкновения с новой языковой средой³¹. И.И. Лаппо не знал литовского языка к моменту приезда в Каунас, и, в отличие от своих русских коллег Л.П. Карсавина и В.Э. Сеземана, работавших вместе с ним, так его толком и не выучил. Вероятно, мешал преклонный возраст ученого. В одном из писем И.И. Лаппо жаловался на эти трудности С. Г. Пушкареву, сетовал, что его студенты не могли отвечать на экзамены по-русски³².

В каунасский период жизни И. И. Лаппо много сделал в научном плане. И это несмотря на преклонный возраст и оторванность от архивов и библиотек. Действительно, ученый испытывал постоянные трудности с поиском необходимых ему источников и литературы, которых, как ни парадоксально, часто не было в литовских библиотеках и архивах³³. Главным итогом его работы стало фундаментальное исследование о Литовском статуте 1588 г.

²⁹ Ласинкас П. Указ. соч. С. 436–437.

³⁰ ГАРФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184. Л. 32 об.

³¹ Об этом явлении см.: Ковалев М.В. Эмиграция и лингвистическая травма: русская диаспора в Праге в 1920 – 1930-е гг. // *Slovanské jazyky a literatury: hledání identity. Konference mladých slavistů IV – říjen 2008. Praha, 2009. S. 273 – 279; Он же. Русские историки-эмигранты в Праге (1920 – 1940 гг.). Саратов, 2012. С. 84–95.*

³² См. приложение, письмо № 1.

³³ ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184. Л. 16 об.

и издание его с комментариями. За свои труды по истории Литвы в 1938 г. И.И. Лаппо был удостоен Ордена Великого князя Литовского Гедиминаса III степени.

Из писем видно, что, несмотря на большую востребованность в Литве, ученый по-прежнему душой оставался в Праге. И.И. Лаппо продолжал живо интересоваться жизнью своих друзей и коллег, а также и политическими делами: «Напишите, пожалуйста, как и что в Праге вообще и в профессорском доме в частности. О трагической смерти Водовозова знаю из газет, трагической, как и вся русская жизнь нашего времени. Как здоровье Шмурло? Нет ли перемен в составе правительства? Кто занял места министров-немцев? Словом, в Праге меня интересует все и русское, и чешское, вплоть до маленьких столкновений в профессорском доме» (письмо от 28 октября 1933 г.)³⁴

Другой причиной повышенного интереса к Праге и одной из главных тем почти каждого письма была русская школа. В октябре 1933 г. И.И. Лаппо рекомендовал С.Г. Пушкарева в качестве ее заведующего. Из писем ясно, что историк даже использовал свой авторитет в прибалтийских политических кругах для решения насущных вопросов школы. «Сходите ... в Министерство Осветы к профессору Урбану, – советовал он С.Г. Пушкареву в октябре 1933 г. – Представьте ему в качестве Заведующего и скажите, что я виделся в Риге с бывшим Латвийским послом в Праге Дуцманом, который мне сказал, без всякой моей просьбы теперь, а после просьбы еще в Праге, что напишет Урбану ходатайство о поддержке нашей школы. Напомните Урбану, что он говорил мне при нашей встрече на рецепции в Литовском посольстве в феврале о том, что, быть может, и окажется возможною дальнейшая поддержка нашей школы Министерством»³⁵.

В то же время русская Прага все больше разочаровывала И.И. Лаппо. На его глазах происходило постепенное разложение эмиграции под воздействием тяжелого материального положения и нескончаемых междоусобных споров и конфликтов: «Не могу сказать, что и русская среда в Праге оставила у меня отрадное воспоминание этим летом [1934 г. – М.К.]. Крайняя тяжесть жизни особенно бросалась в глаза. Я видел слишком много семей, находящихся в громадной нужде, ибо их кормильцы, отцы и матери, лишились заработка. Не менее тяжело было видеть разложение русской эмиграции в Праге, очень большую долю вины в котором несут лица, которые в силу случайных причин захватили в свои руки руководство. Это оказалось и в кругах академических, и в

³⁴ Там же. Л. 14 об.

³⁵ Там же. Л. 14.

церковной жизни. Отсутствие широты и глубины взгляда, а также мелкое честолюбие и стремление к личному влиянию решительно губят русское дело и отнимают от него то благородство, которым оно только и может быть сильным. Видеть это тяжело и тяжело очень. Думается мне, что из всех центров русской эмиграции лучше всего обстоит дело в Белграде, где русские сумели сохранить и свое лицо, и свой русский идеализм»³⁶.

И все же связь с коллегами из русской Праги И.И. Лаппо не терял и продолжал активно участвовать в ее научной жизни. В письмах он интересовался Научно-исследовательским объединением, созданным в 1934 г. при Русском свободном университете, и выражал желание войти в его состав, которое вскоре было удовлетворено³⁷: «За извещение об избрании меня в состав иностранных “бадателей”³⁸ благодарю Вас и постараюсь “бадать” так же усердно, как это делал до сих пор», – написал он С.Г. Пушкареву в январе 1935 г.³⁹

В своих письмах И.И. Лаппо нередко касался политических вопросов. Он был человеком консервативных взглядов, хотя всегда сторонился текущей политики. Его политические убеждения никогда не отражались на взаимоотношениях с коллегами, как это нередко случалось в эмигрантской среде. Но его, как и других русских изгнанников, не могло не интересовать положение дел на Родине. Тем более, что И.И. Лаппо оказался в непосредственной близости от СССР: «Что касается сведений о России вообще, то в Литву они проникают благодаря поездкам литовцев туда по делам. Сведения эти прямо ужасны. Не так давно прибыла в Ковну партия литовцев, находившихся в Соловках и других местах заключения. Выпустили их в обмен на коммунистов, сидевших в тюрьме. Один из выпущенных в Литву делал доклад о жизни в Совдепии. По его словам, пищею доступную там для народа является лишь воздух. Приехали измученные и истомленные всем пережитым. Любопытно, что коммунисты, которых сплавляли из Литвы в Совдепию, не только не были рады освобождению из тюрьмы, но, наоборот, выражали свою печаль по поводу отправки их в коммунистический “рай”»⁴⁰.

Уже в середине 1930-х годов в письмах И.И. Лаппо все сильнее звучит тревога за судьбу Литвы, Прибалтики, да и всей Европы перед лицом надвигавшейся катастрофы. Причем историк

³⁶ Там же. Л. 23.

³⁷ Там же. Л. 16 об., 18 об., Л. 19.

³⁸ «Badatel» (чеш.) – ученый, исследователь.

³⁹ ГАРФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184. Л. 29.

⁴⁰ Там же. Л. 15.

прозорливо видел эту угрозу со стороны гитлеровской Германии уже весной 1935 г.: «На политическом горизонте были достаточно грозные тучи. Теперь, слава Богу, они начинают расходиться. Надеюсь, что все понемногу уладится с Германией. А она главное, что может внести серьезные осложнения в жизнь Литвы»⁴¹.

Поначалу И.И. Лаппо верил, что европейским демократиям удастся избежать войны. Но эти надежды развеялись после Мюнхенского соглашения 1938 г. Интересно, но одним из виновников сложившейся ситуации историк считал чехословацкого президента Э. Бенеша, чья недалекость, по его мнению, политика привела к катастрофе. Об этом он написал С. Г. Пушкареву в ноябре 1938 г.⁴²

К сожалению, в письмах не нашел широкого отражения процесс советизации Литвы в 1939–1940 гг., зато много места уделено его последствиям. Одним из них стала перестройка литовской высшей школы по советскому образцу. В короткий срок была ликвидирована университетская автономия, закрыты некоторые гуманитарные издания, под контроль поставлена научная деятельность. Зимой 1940 г. факультеты гуманитарных наук и права были переведены из Каунаса в Вильнюс. И.И. Лаппо в новую столицу переезжать не собирался и предполагал ездить на лекции раз в неделю по железной дороге⁴³. Новые власти старого профессора по счастливой случайности не тронули, в отличие от многих представителей литовской интеллигенции. Это положение вещей наглядно обрисовал в письме С. Г. Пушкареву И.И. Лаппо-младший 9 марта 1941 г.⁴⁴ Профессору не дали возможности стать членом только что созданной в Вильнюсе Академии наук, поскольку такое «высокое положение могли занимать лишь коренные литовцы»⁴⁵. С приходом новых властей материальное положение И.И. Лаппо ухудшилось. Если раньше он получал жалование от Министерства просвещения, то теперь был переведен на полекционное вознаграждение в размере 30 руб. Кроме того, были национализированы его банковские вклады⁴⁶.

В письмах самого И.И. Лаппо не нашло отражение начало Великой Отечественной войны. Однако сын историка описал С.Г. Пушкареву состояние последних недель перед вступлением войск вермахта⁴⁷. В годы немецкой оккупации семья историка

⁴¹ Там же. Л. 32 об.

⁴² См. приложение, письмо № 2.

⁴³ ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184. Л. 65–65 об.

⁴⁴ См. приложение, письмо № 3.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184. Л. 78

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См. приложение, письмо № 4.

оставалась жить в Литве. И.И. Лаппо уже не имел возможности ездить на лекции из Каунаса в Вильнюс, так как все железнодорожное сообщение было подчинено военным нуждам. Вместо поездов были пущены автобусы, которые простаивали в пути по 6 – 8 часов даже во время суровых морозов⁴⁸. Для старого профессора такие поездки были уже неприемлемы, и он остался без заработка. Спасала его пенсия в размере 200 рейхсмарок и назначение ассистентом Академии наук с той же суммой оклада. Правда П. Ласинскас указывает, что вплоть до 1943 г. И.И. Лаппо читал в университете лекции по истории и историографии Литвы. Но, как кажется, эта информация еще нуждается в уточнении⁴⁹.

В июле 1944 г. И.И. Лаппо вместе с женой и сыном выезжают из Каунаса в Дрезден. Обстоятельства этого отъезда вызывали вопросы у исследователей. Ответ на них как раз и дают письма ученого к С.Г. Пушкиреву. И.И. Лаппо не собирался задерживаться в Германии. Его целью был переезд в Прагу, где у него была своя квартира и где жили его друзья и коллеги. 11 июля 1944 г. профессор просил С.Г. Пушкирева, чтобы Русская ученая академия (так стал называться Русский свободный университет) похлопотала о получении для него права на въезд в Протекторат⁵⁰. Ждать пришлось долго. И в итоге был получен отказ, о чем И.И. Лаппо сразу сообщил в письме своему ученику 7 августа 1944 г.: «Здесьняя полиция сегодня сообщила нам, что из Праги получен отказ в разрешении нам туда приехать. Положение наше становится не только затруднительным, но прямо безвыходным. Сделайте милость, возобновите ходатайство...»⁵¹

Последнее письмо, сохранившееся в архиве, датировано 6 октября 1944 г.⁵² И.И. Лаппо написал, что Фонд Александра Гумбольдта назначил ему 6-месячную стипендию в размере 400 марок для продолжения исследований по истории литовско-польских отношений. Сам ученый с просьбами в фонд не обращался и полагал, что это сделали за него его коллеги⁵³. Но продолжить работу не удалось. И.И. Лаппо так и не позволили выехать из Дрездена, и это решение оказалось роковым в его судьбе. Он погиб вместе со своей семьей во время одной из бомбардировок Дрездена союзниками в декабре 1944 г.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184. Л. 78.

⁴⁹ Ласинскас П. Указ. соч. С. 441.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184. Л. 86 – 86 об.

⁵¹ Там же. Л. 90 об.

⁵² Там же. Л. 96–97 об.

⁵³ Там же. Л. 96–97.

Известие о гибели профессора стало ударом для всех его пражских коллег. 4 февраля 1945 г. они собрались на заседании Русского исторического общества, чтобы почтить его память. Отец Михаил (Васнецов) отслужил панихиду по покойному. Затем с докладами выступили председатель Общества П.А. Остроухов («Краткая биография профессора И.И. Лаппо») и профессор-химик В.И. Исаев («О деятельности И.И. Лаппо как члена правления Русских академических организаций за границе»). Заключительную речь «Профессор И. И. Лаппо как историк» было поручено произнести С. Г. Пушкареву, человеку, который как никто другой знал покойного, считал себя его учеником и всегда дорожил дружбой с ним⁵⁴.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

14 июня 1935 года

Дорогой Сергей Германович!

Очень Вы меня порадовали Вашим письмом от 10 июня. Вы знаете, как дороги мне успехи школы⁵⁵, для которой мы раньше вместе работали. Узнать об ее успехе дальнейшем для меня душевная радость. Совершенно ясно, что после перемен в личном составе не только не произошло ничего задерживающего развития школы, но, наоборот, она делает дальнейшие успехи. Ваши труд и любовное отношение к детям и делу, конечно, эти успехи делают возможными. Но для меня совершенно ясно, что и Н.С. Евреинова оказалась тою силою, работу которой для школы надо горячо приветствовать. Смело идите вперед. Дело слишком нужное и хорошее, чтобы оно не стоило труда и заботы, как бы ни бывало иногда и трудно. Помните при этом всегда, что настоящую поддержку Вы найдете только у Крамаржей⁵⁶. Все остальное чувствительные слова и ничего больше. Сам я Надежде Николаевне не писал уже очень

⁵⁴ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 278. Л. 14.

⁵⁵ Речь идет об организованных в начале 1920-х годов. «Русских курсах при Русской академической группе» для детей эмигрантов, учившихся в чешских школах.

⁵⁶ Речь идет о семье видных чешских общественно-политических деятелей. Крамарж (Kramář) Карел (1860–1937) – один из лидеров младочешской партии, депутат австро-венгерского парламента, премьер-министр Чехословакии в 1918–1919 гг. Горячий русофил и покровитель русской эмиграции. Его жена – Крамарж Надежда Николаевна (урожд. Абрикосова, 1862–1936), известная меценатка. См.: *Сератионова Е.П.* Семья Крамаржей. Русская супруга первого премьера Чехословакии // *Родина*. 2001. № 1. С. 134–139; *Она же*. Карел Крамарж и Россия. Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006.

давно. От нее лично, или через посредство Чакртовой, писем в Ковне не получал. Невольно думаю, что и мои письма утратили для нее интерес. Но мои чувства Н[адежд]е Н[иколаев]не и К[аре]лу П[етрови]чу остаются и останутся всегда неизменными. Я твердо убежден в том, что Вы и школа всегда именно у них найдете симпатию и поддержку. А, ведь, в этом году наступает десятилетие школы. Начинайте готовиться к нему.

Переходя к академическим делам, о которых Вы пишете, сообщу Вам, что от Н.О. Лосского⁵⁷ я получил недели три тому назад предложение вступить в состав комиссии по диспуту Флоровского⁵⁸. Ответил ему, что готов это сделать, хотя в настоящее время не могу поехать в Прагу. Писал Лосскому о моей готовности принять участие в голосовании о допущении диссертации к публичной защите присылкою моего голоса, если мне будет доставлен экземпляр диссертации для прочтения. В ответ получил сообщение о благодарности за это от комиссии и сообщение о посылке мне книги. Но до сего дня книги я все еще не получал, а если мне ее пришлют только осенью, то читать ее мне будет уже некогда. Сообщил мне Лосский, что отзывы о диссертации поручены Бидле⁵⁹ и

⁵⁷ Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) – философ, профессор Петроградского университета. В 1922 г. выслан из Советской России. Преподавал в Праге, Брно, Братиславе. Член Русского философского общества в Праге. В 1946–1961 гг. жил и работал в США. С 1961 г. – во Франции. Автор работ по философии интуитивизма. См.: Николай Лосский: Библиография / Сост. Б. и Н. Лосские. Paris, 1978; *Ермичев А.А.* Штрихи к пониманию философии Н. О. Лосским // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 1993. № 4. С. 64–69; *Никл Г.* Русская философия в чешской научной среде – точки соприкосновения и расхождения // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*. 2011. Roč. 80. Seš. 2–3. S. 186–197.

⁵⁸ Речь идет о диссертации А. В. Флоровского «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.)» на соискание степени доктора русской истории. Эту работу историк готовил с середины 1920-х годов, став первопроходцем в изучении многих сюжетов из прошлого русско-чешских отношений. Защита диссертации состоялась 3 января 1936 г. на заседании Русской академической группы в Чехословакии. Официальными оппонентами выступили Я. Бидло, П.Н. Милуков и В.А. Францев. В обсуждении приняли участие В.В. Саханев, С.Г. Пушкирев, П.Н. Савицкий. См.: Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 228. Л. 165. Лл. 1–2; *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). С. 104–105. О взаимоотношениях А.В. Флоровского и С.Г. Пушкирева см.: *Ковалев М.В.* «Многоуважаемый Профессор Антоний Васильевич!» (к публикации писем С.Г. Пушкирева к А.В. Флоровскому) // Мир историка: историографический сборник / Под. ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 7. Омск, 2011. С. 486–495. Общение между И.И. Лаппо и А.В. Флоровским, вероятно, не было интенсивным. Сохранилось несколько их писем друг к другу: *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-Flor. Krab. XLII. Ruská historická společnost v Praze. Korespondence. 13. A. V. Florovskij – I. I. Lappovi. 29.9.1939. rkp. koncept, 14. I. I. Lappo – A.V. Florovskému. 18.11.1939. strj.;* Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 49, 272.

⁵⁹ Бидло Ярослав (Jaroslav Bidlo, 1868–1937) – выдающийся чешский историк, один из основоположников византиноведческих и восточноевропейских исследований в Чехии. С 1900 г. – доцент, с 1905 г. – профессор Карлова университета.

Францеву⁶⁰. В состав комиссии, как пишет Н[иколай] О[нуфриевич], введен и Струве⁶¹. Вот все, что я знаю об этом деле. Ваша твердость в отстаивании необходимости «фахмана»⁶² для суждения о достоинствах докторской диссертации меня очень утешает. Увы, в наши дни многие смотрят на дело иначе.

Но почему Исаев⁶³ отказался от своей правительственной власти? Неужели причиной является его болезнь, о которой я слышал зимою? Или какие-либо подводные камни, на которые попал корабль профессорского дома⁶⁴? Что касается В.А. Брандта⁶⁵, то он очень милый и

⁶⁰ Францев Владимир Андреевич (1867–1942) – историк и филолог-славист, академик Российской академии наук в Петрограде (1921), иностранный член Чешской академии наук и искусств (1904), член Чешского королевского научного общества (1913) и др. До революции преподавал в Варшавском и Донском университетах. В 1919 г. эмигрировал. В 1922–1937 гг. – профессор Карлова университета. Автор работ по истории славянского национального возрождения, истории научных и культурных контактов между Россией и славянским миром. См.: *Липтева Л.П.* В.А. Францев как историк славянства // *Славянская историография*. М., 1966. С. 204–246; *Она же*. В.А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов // *Slavia*. 1966. Roč. 35. Seš. 1. S. 79–95; *Она же*. Русский славист В.А. Францев и обстоятельства его эмиграции из России (по материалам неопубликованной переписки) // *Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике*. Прага, 1997. № 2.

⁶¹ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – историк, экономист, философ, общественно-политический деятель, академик Российской академии наук, профессор Политехнического института в Петрограде. С 1921 г. в эмиграции. Работал в Софии, Праге, Париже и Белграде. Главный редактор парижской газеты «Возрождение». Автор работ по социальной и экономической истории России. См.: *Пайнс Р.* Струве. Биография. В 2-х т. М., 2001.

⁶² «Fachmann» (нем.) – эксперт.

⁶³ Исаев Владимир Иванович (1874 – не ранее 1943) – химик. До революции преподавал в Политехнической школе в Варшаве. В 1922–1939 гг. работал в Чешском высшем техническом училище в Праге. Автор работ по органической химии, специалист в изучении мальтазы.

⁶⁴ «Профессорский дом» был построен в 1925 г. на Бучковой (Bučkova) улице силами Чешско-русского профессорского строительного и квартирного товарищества. Местом строительства стало пересечение новых районов Дейвице и Бубенеч, которые вплоть до начала XX в. считались глухими окраинами Праги. Среди жильцов дома в разное время были С.Г. Пушкирев, А.Н. Фатеев, Е.Ф. Шмурло, А.С. Ломшаков, Г.В. Вернадский и многие другие видные представители русской колонии в Праге. См.: *Kopřivová A.* Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921–1952). Praha, 2001. S. 24; *Волошина В.Ю.* К вопросу об обеспеченности русских ученых-эмигрантов жильем в Праге в 1920–1930-е годы (По неопубликованным материалам) // *Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории*. Омск, 2004. С. 166–167; *Бем-Рейзер Т.А.* Украденное счастье // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 2008. Кн. 251. С. 257

⁶⁵ Брандт Владимир Александрович (1874–1944) – инженер-архитектор, художник, профессор. С 1922 г. жил в Праге. Преподавал в Чешском высшем техническом училище и Русском высшем училище техников путей сообщения. Автор проекта православного храма на русском Ольшанском кладбище в Праге,

порядочный человек. Каким главою «братской могилы»⁶⁶ он окажется, покажет ближайшее будущее, с его порою ремонтов и связанных с ними пожеланий обывателей дома. О смерти М.А. Циммермана⁶⁷ узнал из «Возрождения»⁶⁸ и пожалел об его слишком ранней кончине. Подробно-сти ее мне совершенно неизвестны.

Как хорошо, что Вы откликнулись на просьбу из Белграда о статье для их «Дня русской славы»⁶⁹! Им теперь нелегко находить сотрудников, особенно среди научных специалистов.

Мы уже больше недели пребываем в «хаосе преждевременном», о котором говорят первые страницы Библии. Переезжаем на новую квартиру, которую приискали подальше от центра города, поближе к природе. Нашли таковую, кажется, довольно удачно, почти в дачной обстановке, хотя и в каменном доме со всеми удобствами. Дом небольшой, всего четыре квартиры. Кругом много огородов, т[о] е[сть] незастроенных мест. Хозяева евреи, но район вообще преимущественно русского характера, ибо его основное население составляют старообрядцы, хотя и не все теперь уже старого и привычного вида длиннобородых кряжистых «мужей древнего благочестия». Сегодня перевезли на новую квартиру ящики с книгами, которые уложить потребовалось около недели. Окончательно перевестись предполагаем во вторник. В Университете⁷⁰ идут экзамены. Нынче их достаточно и у меня по курсу методики. Отвечали хорошо. Осложнение в том, что я не понимаю еще литовского языка. Первая пар-

виллы К. Крамаржа в Высоке-над-Йизерой и др. См.: *Левашко С.С., Ковалев М.В.* «Русская акция» и архитектор В.А. Брандт в Чехословакии, 1922–1944 // *Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие* / Сост. Л. Бабка, И. Золотарев. Прага, 2012. С. 325–332.

⁶⁶ Ироническое название «Профессорского дома», поскольку средний возраст его жителей составлял 60 лет, и его старшие обитатели постепенно уходили из жизни (*Бем-Рейзер Т.А.* Указ. соч. С. 257).

⁶⁷ Циммерман Михаил Артурович (1887–1935) – правовед и историк. Профессор Русского юридического факультета и Русского народного университета в Праге. Автор работ по международному праву и международным отношениям, истории США. См.: *Goněc V. Michail Zimmermann a československá právní věda* // *Slovanský přehled*. 1993. № 1. S. 119–120.

⁶⁸ Парижская эмигрантская газета, выходившая в 1925–1940 гг. под редакцией П.Б. Струве (1925–1927) и Ю. Ф. Семенова (1927–1940). См.: *Струве Г.П.* Страница из истории зарубежной печати: Начало газеты «Возрождение» // *Мосты*. 1959. № 3. С. 374–394.

⁶⁹ Непериодическая газета, издававшаяся в Белграде в 1930-е годы. Выпуски были приурочены к празднованию «дней русской культуры». См.: *Kovalev M.V.* Les fêtes historiques de l'émigration russe comme moyen de preservation de la mémoire culturelle collective // *Patrimoine Russe/Russische Patrimonium*. Bruxelles, 2008. № 3. P. 37. См. также: *Ковалев М.В.* Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории*. М., 2008. Кн. 25/2. С. 119–138.

⁷⁰ Имеется в виду университет в Каунасе, открытый в 1922 г. в составе факультетов теологии, гуманитарных наук, права, математических и естественных наук, медицины, техники. В 1930 г. ему присвоено имя литовского князя Витова (Витаутаса).

тия экзаменовавшихся вполне прилично отвечала по-русски. Но затем пошли господа, которые русского языка уже не знают настолько, чтобы на нем говорить. Началась «перепутаница», как говаривали одесситы, языков и смешение русского с литовским и немецким. Но кое-как понимали друг друга. В ближайшие дни надеюсь закончить экзамены, так что можно будет целиком отдаться писанию и печатанию. Последнее несколько задержалось из-за недосуга типографии. Надо будет стараться нагонять летом, ибо хотелось бы выпустить вторую часть тома⁷¹ на рубеже осени и зимы этого года, если даст Господь... Паспорт для сына⁷² пришел с отсрочкой до декабря, так что он сможет уже сам хлопотать о дальнейшем его продолжении. Но задержка, притом такая большая, нам доставила много забот и огорчений. Хорошо, что дело в конце концов все-таки завершилось благополучно.

Юлии Тихоновне⁷³, Вам, Судии⁷⁴ и Крокодилу⁷⁵ шлем всею семьею наш душевный привет. Если увидите Белецкого, не откажитесь передать ему мое поздравление с полученным званием приват-доцента. Хорошо, что для звания этого в Праге не требуется защиты диссертации *pro venia legendi*⁷⁶. Думаю об этом потому, что на днях нашел в своих бумагах конспект моих возражений на таком диспуте, который требовался по уставу Юрьевского Университета. А диспут этот был около двадцати лет тому назад!

Если будете видеть своих соработников по школе, кланяйтесь им всем от меня.

Душевно Ваш И. Лаппо

Адрес нашей новой квартиры: Kaunas, Maletu, д[ом] 10/2.

ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184. Л. 33 – 34. Машинопись.

2

17 ноября 1938 года

Дорогой Сергей Германович!

Наконец, как только что узнал, возобновилось правильное почтовое сообщение с Чехословакией. Спешу написать Вам, ибо уже давно

⁷¹ Речь идет о второй части исследования, посвященного Литовскому Статуту 1588 г. См.: *Лаппо И.И.* Литовский статут 1588 года. Т. 1: Исследование. Ч. 2. Каунас, 1936.

⁷² Лаппо Иван Иванович-младший (1895–1944) – историк и правовед, приват-доцент Русского юридического факультета в Праге.

⁷³ Пушкарева Юлия Тихоновна (1896–1961) – жена С.Г. Пушкарева

⁷⁴ «Судия» – прозвище Н.Г. Пушкарева (1884–1968), брата историка С.Г. Пушкарева, юриста по образованию.

⁷⁵ «Крокодил» – прозвище Б.С. Пушкарева (род. 1929), сына историка С.Г. Пушкарева, впоследствии видного архитектора и общественного деятеля, активного члена НТС. См.: *Добушева М.* Пушкарёвы – патриоты российской истории // Русское слово. Прага. 2009. № 5. С. 6–8.

⁷⁶ «На получение права читать лекции» (лат.)

беспокоюсь и беспокоюсь сильно за Вас с семьею и за всех наших единоплеменников, застигнутых катастрофою, обрушившеюся на страну и народ, с которыми мы все так сблизились и сжились за долгие годы пребывания в Праге. Нам с Вами давно было ясно, что до добра политика злого гения Чехословакии⁷⁷, к великому ее несчастью направлявшего ее политику целые двадцать лет, к чему-либо хорошему не приведет. Печальные же ее результаты на лицо. У меня до сих пор звучат в ушах слова г[осподина] Бенеша в его речи, сказанной по радио: «Не бойтесь се, мам свуй план»⁷⁸. А рядом с ним звучат слова Венского радио, сказанные одновременно: «Пан Бенеш хти вальку»⁷⁹. Теперь первое оказалось простым блефом, а второе, к счастью, лишь диким пожеланием, которое не исполнилось. В настоящее время чешское радио полно сведений о трагедии, мужественно переживаемой чехами и словаками. Можно удивляться выдержке и политической зрелости, а также удивительной, словно немецкой, способности к организации, ими проявляемой. Много хуже проявляет себя Карпатская Русь⁸⁰. Но и положение ее поистине чрезвычайно трудно. Как-то теперь будет с «Русской акцией»⁸¹? Хотя эгоистическое чувство и подсказывает удовольствие, что я с семьею

⁷⁷ Так И.И. Лаппо называет Э. Бенеша, бывшего президентом Чехословакии в 1935–1938 гг. и в 1945–1948 гг. См.: *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 1997.*

⁷⁸ Имеется в виду фраза президента Чехословакии Э. Бенеша «*Nebojte se, máv svůj plán pro všechny případy a nedám se ničím mylit*» («Не волнуйтесь, у меня есть план на все случаи, и не может быть ничего плохого»), произнесенная им 22 сентября 1838 г. накануне подписания Мюнхенского соглашения. Но уже 5 октября Э. Бенеш будет вынужден уйти в отставку и покинуть Чехословакию.

⁷⁹ «*Pan Beneš chce válku*» (чеш.) – «Господи Бенеш хочет войны».

⁸⁰ Исторический регион проживания русинов в Центральной Европе, который в 1918–1939 гг. входил в состав Чехословацкой республики. В марте 1939 г. предпринята попытка создания отдельного государства (провозглашена независимость) под названием «Карпатская Украина». Тогда же регион оккупирован венгерскими войсками, находившимися там вплоть до 1944 г. С 1945 г. – в составе СССР как Закарпатская область УССР. С 1991 г. – область в составе Украины.

⁸¹ «Русская акция» – гуманитарная программа правительства Чехословакии, начатая в 1921 г. по инициативе президента Т. Масарика и направленная на поддержку русской эмиграции в Чехословакии и частично за ее пределами. Благодаря этой программе в Праге сложилась развитая сеть русских научных, учебных и культурных учреждений. С конца 1920-х годов «акция» пошла на спад и в начале 1930-х годов была прекращена. См.: *Sládek Z. O ruské pomocné akci tentokrát polemicky // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 3). Praha, 1995. S. 20–25; Eadem. České prostředí a ruská emigrace // Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919 – 1939. Praha, 1999. S. 7–46; Chinyaeva E. Russians outside Russia: the Émigré Community in Czechoslovakia, 1918–1938. München, 2001; Andreyev C., Savický I. Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven; London, 2004; Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие / Сост. Л. Бабка, И. Золотарев. Прага, 2012; Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 37–59*

не попал в эту передрагу, но все-таки в эти тяжелые недели хотелось бы быть вместе со всеми Вами, с которыми так сжился за долгие годы совместной работы и общих переживаний. Напишите же мне поскорее, как и что у Вас происходит. Волнуюсь мыслью о возможном сокращении поддержки, которая оказывается русским. Не менее беспокоюсь о судьбе нашей школы. Если возможно только, не задержите вестей.

Когда будете мне писать, не забудьте упомянуть, во-первых, о возможности для Вас принять от меня экземпляры моего Статута для передачи учреждениям и лицам, которым я их посылаю в Чехословакию, а во-вторых, о возможности для нашего Домового Товарищества⁸² выдать мне мои деньги, у него хранящиеся, о чем я уже писал Вам раньше. Тогда Вы мне ответили, что это возможно. Мне бы хотелось получить от Вас подтверждение этого прежде, чем писать В.А. Брандту мое официальное заявление. Если деньги мне дадут, я пришлю Вам доверенность на их получение для приобщения к деньгам, лежащим на книжке «гидальго»⁸³. Самому ему теперь ехать в Прагу трудно. Не такое теперь время. Надо выждать, пока все в Праге уляжется окончательно. Не то там теперь настроение, чтобы можно было спокойно и продуктивно работать. Вчера на Пражском радио слышал, что там распространяются такие дикie слухи, что у нас возбуждают даже смех, напр[имер] о пожаре Вильсонова вокзала⁸⁴ и т[ому] п[одобное].

Что касается нас, то мы живем по-старому. Только что состоялись выборы президента на следующее семилетие. Как и нужно было ожидать, переизбран Сметона⁸⁵, чему можно только радоваться. Семья наша

⁸² Имеется в виду Чешско-русское профессорское строительное и квартирное товарищество, основанное в 1922 г., в составе 80 человек во главе с инициативной группой (профессора Г.Г. Кривошеин, В.А. Брандт, В.И. Исаев, Н.М. Леонтьев, П.В. Отоцкий, приват-доцент У.Я. Жилиев). Товарищество ставило в качестве своих задач постройку или приобретение жилых домов с небольшими, по преимуществу, квартирами, торгово-промышленных помещений, а также небольших частных домов. Эти дома, квартиры и отдельные помещения передавались членам Товарищества «путем сдачи в наем или передачи на ином каком-либо основании» (Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 247. Л. 1–2).

⁸³ «Гидальго» – прозвище И.И. Лаппо-младшего.

⁸⁴ Вильсонов вокзал – крупнейший железнодорожный узел Праги. Открыт в 1871 г. Первоначально был назван в честь императора Франца Иосифа I. В 1918–1939, 1948–1953 гг. носил имя американского президента В. Вильсона. В настоящее время называется Главный вокзал Праги (Praha hlavní nádraží).

⁸⁵ Сметона Антанас (Antanas Smetona; 1874–1944) – литовский государственный деятель. В 1919–1920 гг. первым президентом независимой Литвы, в 1920–1924 гг. был лидером Партии национального прогресса. В 1924 г. выступил одним из основателей Союза литовских националистов, в 1925–1926 гг. возглавлял его. Был одним из организаторов государственного переворота 17 декабря 1926 г., положившего конец левоцентристской коалиции. С 1926 по 1940 г. – президент Литвы (переизбирался в 1931 и 1938 гг.). После предъявления СССР ультиматума Литве 14 июня 1940 г. сложил с себя президентские полномочия и выехал в Германию. Затем жил в Швейцарии и США. Погиб 9 января 1944 г. во время пожара в своем доме. См.: *Truska L. Antanas Smetona ir jo laikai*. Vilnius,

несколько увеличилась. С весны к ней прибавилась кошка-Мисс, которую Ваня подобрал на улице маленьким котенком, выброшенным недобрыми людьми на голодную смерть. Теперь обжилась и представляет собою очень хорошенькую и толстенькую кошечку. Ночью спит обыкновенно у меня в ногах на одеяле. Я как будто начинаю восстанавливать силы после каторжной работы над изданием текста Статута⁸⁶. Надеюсь, Вы ее оцените, когда просмотрите предназначенный Вам экземпляр. Но сесть по-настоящему за новую работу, о которой писал Вам, еще не могу. Лишь понемногу начинаю ее готовить. В Белграде статью для тамошнего Сборника, посвященного 950-летию Крещения Руси, послал с месяц тому назад. Заглавие ее: «Держава Владимира Святого»⁸⁷. Теперь она, по-видимому, или печатается, или напечатана. Выпустить Сборник и прислать мне оттиски предполагали в декабре. Получив их, конечно, не замедлю выслать оттиски Вам и друзьям-пражакам.

Будьте все здоровы и благополучны. Юлии Тихоновне, Вам, всей Вашей семье, о[тцу] Исаакию и школе шлю мой душевный привет. Жена и сын Вам и Вашим кланяются. Еще раз прошу: напишите поскорее.

Душевно Ваш,

И. Лаппо

ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184. Л. 58 – 58 об. Машинопись.

3

9 марта 1941 г.

Дорогой Сергей Германович!

Пользуюсь случаем послать Вам это письмо – его отправит из Германии наш друг, переселяющийся туда вместе с «лицами германского происхождения», среди которых немало наших знакомых с фамилиями вроде: Русанов, Удалов, Покровская, Успенский и т.д. Мои родители, а следовательно, и я решили никуда не переселяться, хотя и основания для переселения у нас особого нет в виде жен или бабушек из немцев. События идут таким быстрым темпом, что не знаешь, что будет завтра, и спокойнее сидеть в насиженном углу, по крайней мере никто не усмотрит в этом нелояльность.

Пока что еще здесь жить можно сравнительно сносно. Дом наш еще не национализировали, как недостаточно большой, но никто конечно не может поручиться, что не национализируют завтра. Стеснили тоже умеренно: из четырех комнат заставили сдать только одну. Опять как надолго – неизвестно. Цены сильно возросли, но питаться можно еще очень прилично, лучше, думаю, чем где-нибудь в Европе. Хлеб – 45–

1996; Zubiński T. Antanas Smetona. Pierwszy i zarazem czwarty prezydent Litwy // Ciche kraje, Rzeszów, 2006. S. 5–27.

⁸⁶ *Лаппо И.И.* Литовский статут 1588 года. Т. 2: Текст. Каунас, 1938.

⁸⁷ *Лаппо И.И.* Держава Владимира Святого // Владимирский сборник. Белград, 1938. С. 63–72.

55 коп[еек] кило. Свинина и сало – 4,50, сахар – 2,50. Цены на советские рубли, но ходят еще литовские литы, расцениваемые в 90 копеек. Карточек на продукты пока нет, хотя многие не продаются больше определенного количества, например, масла обычно не отпускают больше четверти, а сахара больше полкило. [Здесь и далее подчеркнуто в тексте письма. – М.К.] Цена масла с 3-х лит поднялась на 8 рублей. Кофе настоящий совсем исчез. Шоколад подорожал страшно – 45 рублей. Перспектива не очень веселая, но что поделать.

Много публики посажено за решетку, или вывезено в места отдаленные. Русских однако трогают значительно меньше, чем местных аборигенов. За бывшее белогвардейство специально не преследуют, говорят, что было уже две амнистии. Пока что, но что будет завтра, опять неизвестно. Очень много красноармейцев. Относительно их обращения с населением и поведения вообще можно сказать только похвальное – очень дисциплинированные, мирные и по-своему вежливые, часто впрочем довольно примитивные. Старших людей именуют «мамаша» или «папаша»: во всяком случае это не русские солдаты, а тем более, офицеры старого времени. Обилие продуктов и дешевые по их понятию цены приводили их сначала в недоумение, но теперь попривыкли и считают кажется это в порядке вещей.

Живем мы тихо, как и жили, далеко от общества и какой бы то ни было политики. Отец ездит раз в неделю в Вильно, куда перевели его факультет⁸⁸, и там ночует. Я был очень занят достройкою дома, а теперь стараюсь найти подходящую службу или работу. Родители сильно состарились и ослабели. Мама исхудала страшным образом, отец похудел тоже, но не так сильно. Я наименее изменился. Думаю скорее полнее, чем как был последний раз в Праге.

Если буду Вам впредь писать без посредства лиц, доставляющих мои письма за границу, то имейте в виду, что все написанное после имен кого-либо из Шахматовых надо будет понимать как святую ложь или вообще в обратном смысле. То же, что будет написано между именами членов Вашей семьи – принимайте за чистую монету, в прямом смысле. Пока однако от переписки с заграницею воздерживаюсь. Вся такая корреспонденция идет во всяком случае через Москву.

Что касается моих дел в Праге, то оставляю их на Ваше полное усмотрение. Прямых поручений дать естественно не могу, не зная всех Ваших условий. Что касается моей квартиры, то, если Вы ее еще не ликвидировали, предпочел бы, чтобы она еще некоторое время числилась за мною. Обладание квартирою в Праге дает мне юридически пражскую осед-

⁸⁸ После передачи Вильнюса Литве осенью 1939 г. был преобразован существовавший там в 1919–1939 гг. польский Университет Стефана Батория (его исторический предшественник – Виленский университет был закрыт в 1832 г. распоряжением Николая I). Зимой 1940 г. в Вильнюс из Каунаса из состава Университета Витаутаса Великого были переведены факультеты гуманитарных наук и права, а летом того же года – факультеты математических и естественных наук. В ходе советизации Литвы Вильнюсский университет был преобразован по образцу советских высших школ.

лость, которая может быть и потребуется в недалгом времени. До осени вероятно наступят события, которые коренным образом изменят общее положение и тогда будет виднее. Обидно конечно, что Стаховский⁸⁹ живет в ней на половину на мой счет. Следовало бы ему растолковать, что три года такого благополучия за счет другого немного слишком. Мог бы платить все 140 к[рон] ч[ешских]. Ведь помимо квартиры он пользуется и всем заржизением [меблировка. – М.К.], за которое я с него ничего не беру.

Письмо это написано в двух экземплярах, если пропадет один, может быть дойдет другой.

Пока прощайте. Душевный привет Вашей семье. Кланяйтесь всем добрым знакомым. Если бог даст пережить этот год, вероятно увидимся.

Ваш Гидальго

ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184. Л. 71 – 71 об. Машинопись.

4

15 сентября 1941 года

Дорогой Сергей Германович!

Восстановилась почта, и наконец я могу написать Вам. Слава Богу, по Своей милости сохранившему нас среди странных опасностей, которые мы пережили в течение года! Особенно были ужасны последние недели перед вступлением германской армии, когда Н.К.В.Д. хватал сотни и тысячи несчастных и грузил ими товарные вагоны для вывоза, словно убойный скот. Впечатление от германской армии сильнейшее. Солдаты поражают не только своей дисциплиной, здоровьем, сытостью, прекрасными одеждой и снаряжением, но и удивительно бодрым настроением. Ни одного болезненного или усталого от войны я не видел. Но и забота о них командования велика. Между ними и теми войсками, которые мы постоянно видели до их прихода, лежит целая пропасть. Мы трое, конечно, сильно исхудали, особенно жена, которую даже с трудом узнают знакомые. Теперь все мои мысли на фронте. Страшно не хватает Вас, русских пражаков, с которыми сроднился за долгие годы совместной жизни. Не забывайте, что мы с сыном состоим членами Вашей академической группы. Мы с нею считаем себя связанными и в будущем. Как живете Вы и Ваша семья? Сердечный привет шлем Вам всею нашею семьею. Как наша школа? Всем старым коллегам и друзьям очень кланя-

⁸⁹ Стаховский Николай Анатольевич (1870–1948) – медик, специалист в области отоларингологии. См.: *Васильев К.К.* Петербуржцы-медики в русском зарубежье // *Зарубежная Россия. 1917–1945: Сборник статей.* Кн. 3. СПб., 2004. С. 5–14.

юсь, особенно Владыке⁹⁰ и архимандриту Исаакию⁹¹. Убеден, что они молились за нас, зная о переживаемом нами.

Пишите поскорее.

Всего хорошего!

Душевно Ваш

И. Лаппо

ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184. Л. 73 – 73 об. Машинопись.

5

6 мая 1942 г.

Христос Воскресе!
Дорогой Сергей Германович!

Открытку Вашу получил еще в ноябре. Медленность почтовых сношений расхолодила мое горячее желание написать Вам, а тут прибавились еще обстоятельства, которые совершенно выбили меня из колеи и повергли в самое гнусное настроение. Дело в том, что с приходом большевиков в Литву материальные условия мои изменились много. До этого времени я был недурно устроен материально, как причисленный к Министерству Просвещения, да кроме того получал за лекции в университете. Большевики причисление к М[инистерст]ву похерили и посадили меня на полексионное вознаграждение, по 30 рублей за прочитанную лекцию. С изгнанием большевиков была установлена новая власть, но не прежние министерства. Поэтому я остался лишь договорным профессором Ун[иверсите]та. Но ездить для лекций в Вильну для меня оказалось фактически невозможным, ибо по военным надобностям было прекращено пассажирское движение по жел[езным] дорогам, и разрешения давались только на путешествия в Вильну на автобусах, которые на нас стояли по 6–8 часов, и это в суровые морозы, которые на нас обрушились. В мои годы такие поездки оказались совершенно невозможными. И я остался без всякого заработка. Меня представили к хорошей пенсии в 200 р[ейхс]м[арок] в месяц. Но течение дела о ней в теперешнее чрезвычайное время и задержалось настолько «чрезвычай-

⁹⁰ Владыка Сергей, в миру Аркадий Петрович Королев (1881–1952) – в 1922–1946 гг. – епископ Пражский, в 1946–1948 гг. – архиепископ Венский, викарий Западно-Европейского Экзархата, в 1948–1950 гг. – архиепископом Берлинский и Германский, в 1950–1952 гг. – архиепископ Казанский и Чистопольский. См.: Я возлюбил вас... Архиепископ Пражский Сергей (Королев): Автобиография. Свидетельства современников. Духовное наследие / Сост. А.В. Окунева. М.: Паломник, 2003.

⁹¹ Архимандрит Исаакий, в миру Иван Васильевич Виноградов (1895–1981) – в 1928–1945 гг. жил в Праге. В мае 1945 г. арестован и вывезен в СССР, до 1946 г. находился в заключении. В 1947–1957 гг. служил в храмах в Актюбинска и Алма-Аты. С 1958 по 1981 гг. – настоятель Вознесенского собора в Ельце. См.: Офицер, монах и пастырь. Архимандрит Исаакий / Сост. А.В. Окунева. М.: Паломник, 2005.

но», что и до сих пор власти, уже не Литовские, еще никакого ответа на представление не дали. И я ряд месяцев был без всяких получений. Эти зимние месяцы были тяжеловаты. Денег не было, ибо все мои сбережения на черный день были национализированы большевиками, и право распоряжения ими еще не восстановлено до сих пор. Было вообще прескверно. Но теперь положение, слава Богу, изменилось к лучшему. Ввиду задержки дела о моей пенсии Литовские власти искали для меня какой-либо свободной должности с окладом, равным предложенной мне пенсии. Академиком Академии Наук⁹², учрежденной при большевиках, меня сделать нельзя, ибо такое высокое положение могут занимать лишь коренные литовцы. И я был назначен ассистентом при Академии с окладом около 200 р[ейхс]м[арок] и без обязательства жить в Вильне, где Академия находится.

Таким образом, в конце концов, все наладилось; я, слава Богу, вновь воспрянул духом и опять работаю, сколько позволяет домашняя обстановка и необходимость принимать на себя часть домашних работ в виде пилки дров и т[ому] п[одобного]. Но не хватает родной среды, в которой надобность так остро чувствуется в наше чреватое радикальными переменами время. По Праге и всем русским гражданам, а особенно по друзьям с Вами во главе, скучаю крепко. Все мы трое, конечно, устали, особенно жена. Лишений самого различного рода пережили достаточно. Будущее неясно. Но все это неизмеримо лучше большевизмской власти, которую Господь помог пережить и ужаснее которой ничего представить нельзя. [Подчеркнуто в тексте. – М.К.]. С величайшим интересом читаю в «Новом слове»⁹³ известия о Праге. Рядом с хорошо знакомыми именами лекторов Своб[одного] Ун[иверсите]та⁹⁴ вижу уже новые, а в артистической среде старых знакомых имен уже совсем не вижу. Недавно с грустью в том же Н[овом] Сл[ове] прочитал печальное известие о кончине В. А. Францева. Вы еще писали, что скончался А.П. Фан-дер-Флит⁹⁵. А как остальные прежние коллеги? Многие из них, вероятно,

⁹² Академия наук Литовской ССР была основана 16 февраля 1941 г. в Вильнюсе по примеру Академии наук СССР. Первым президентом (1941) был назначен писатель и филолог Винцас Креве-Мицкявичюс (Vincas Krėvė-Mickevičius).

⁹³ Русская эмигрантская газета, выходившая в Берлине.

⁹⁴ Русский народный (с 1933 г. – свободный) университет (с 1943 г. – Русская ученая академия) существовал в Праге с 1923 по 1949 г. Он выполнял функции не столько учебного заведения, сколько лектория, призванного популяризировать научные знания. Ректорами университета в разные годы были М.М. Новиков, В.С. Ильин, А.Н. Фатеев, П.А. Остроухов. См.: *Аксенова Е.П., Досталь М.Ю.* Русский свободный университет (Русская ученая академия) в годы Второй мировой войны // *Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике.* 1998/1999. № 2. С. 85–102; *Mach J.* The Russian People's/Free University in Prague 1923–1945 // *Prague Perspectives (I): The History of East Central Europe and Russia.* Prague, 2004. P. 371–389.

⁹⁵ Фан-дер-Флит Александр Петрович (1870–1941). Механик. Преподавал в Политехническом университете в Петрограде. В 1921 г. эмигрировал в Чехословакию. В 1922–1934 гг. – профессор Чешского высшего технического училища в

достигли уже очень преклонного возраста. Повторяю: скучно, что я не со всеми Вами. Если бы жил в Праге, читал бы, вероятно, и я лекции в Св[ободном] Ун[иверсите]те, по-видимому, прекрасно руководимым сильною рукою Василия Сергеевича. А как наша школа? Хочется думать, что и она не хуже Св[ободного] Ун[иверсите]та под Вашим водительством. И в нем бы с радостью устраивал, как раньше, мои чтения с волшебным фонарем, если бы вновь оказался на Бубенече⁹⁶. Если возможно, не поленитесь написать мне поподробнее обо всем, о чем написать сможете. Теперь почтовые сношения стали много легче, и ко мне приходят уже довольно большие закрытые письма из Германии. Едете ли куда-либо на «летний быт»? Не видите ли кого из прежних друзей по Карлову Университету? Меня интересует решительно все о той среде, в которой жил когда-то, и с которою так сильно сроднился. Юлии Тихоновне, Вам и Николаю Германовичу, а также Борису Сергеевичу всею семьею шлем наш душевный привет. Прилагаемое письмецо не откажитесь передать Владыке Сергию, о[тцу] архимандриту Исаакию и всем друзьям и знакомым будьте добры передать мои поклоны.

Душевно Ваш

И. Лаппо

ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184. Л. 78 – 78 об. Рукопись.

6

Дорогой Сергей Германович!

Из Ковна мы втроем выехали в пятницу. Со вчерашнего дня находимся в Дрездене. Очень прошу Вас исхлопотать нам возможно скорее разрешение на въезд в Прагу. Русская Академия, надеюсь, мне поможет как старому члену Народного Университета. Пожалуйста, похлопочите возможно скорее. Наш Дрезденский адрес напишу Вам завтра, когда он определится.

Душевно Ваш,

И. Лаппо

ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184. Л. 86 – 86 об. Машинопись.

Праге. Автор работ по аэродинамике, строительной механике и сопротивлению материалов.

⁹⁶ Один из районов Праги, начавший застраиваться в 1920-е годы. Место проживания многих русских эмигрантов.